

урвал благословение. Ведь прежде – плотское, однако духовное предпочтительнее. Один был рыжий, заросший волосами, другой – мягкий. Один был беспокойный и охотник, другой радовался домашнему досугу. И тот, голодный, продал право первородства, прельщенный дешевой ценой наслаждения, утратил врожденную свободу, попал в рабство греха. Другой же благодатью стяжал себе то, что по праву ему не причиталось. Среди этих двух братьев, хотя и родных, хотя и близнецов, никогда не было полного согласия, ведь Исав ненавидел Иакова. Иаков, напротив, хотя и не отвечал взаимной ненавистью, однако избегает Исаву, всегда подозревает его и не верит ему. Ко всему, что станет внушать тебе страсть, тоже лучше относиться с подозрением из-за сомнительности его происхождения. Только Иаков видит Господа- Исав, как жадный до крови, живет мечом. Наконец, Господь на вопрос матери ответил: "Большой будет служить меньшему". Отец же добавил: "Брату своему будешь служить. Придет время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи своей". Господь возвещал о благочестивых, отец – об отвергнутых. Один показывает, что следует делать всем, другой проповедует, что делать многим.

Павел хочет, чтобы жена была послушна своему мужу. Ведь лучше несправедливость мужчины, чем женщина, творящая добро. Наша Ева – плотская страсть, глаза которой каждый день прельщает тот хитрый змей. Сама испорченная, она продолжает и мужчину подбивать на совместное зло. Но что ты читаешь о новой женщине, т. е. о той, которая послушна мужу своему? "Вражду положу я между тобой (конечно, женщиной) и змеем и между семенем твоим и его. Она паразит твою голову, и ты будешь строить козни под пятой ее". Змей поражен в сердце, смерть Христова сломила его натиск. Только он строит козни тайно. Впрочем, благодатью веры женщина, как бы превращенная в воительницу, отважно попирает ядовитую главу. Благодать увеличивается, власть плоти уменьшается. Когда Сара ослабела, Авраам волей Божьей стал сильнее, она уже называет его не мужем, а господином. Она не удостоилась родов до того, как не исчезли ее женские свойства. Что же родила она своему господину, Аврааму, уже старуха, уже оскудевшая? Ну конечно, Исаака, т. е. радость! Только когда в человеке состарятся страсти, тогда, наконец, возникает счастливое спокойствие невинной души и безмятежность сердца будто это вековечный пир. И так же как сам отец не был мягок к супруге, так и в детях подозрителен ему сговор Исаака с Измаилом, он не хочет, чтобы в этом возрасте сын служанки сошелся с сыном свободной. До тех пор пока кипит юность, Измаила отсылают с глаз долой, чтобы он под видом ласковости не склонил мальчика Исаака к своим привычкам. И уже состарился Авраам, уже стала старухой Сара, уже родила Исаака, но он не поверил бы, если бы божественный голос не одобрил совета жены. Он не доверял женщине, пока не услышал от Господа: "Во всем, что скажет тебе Сара, слушайся ее голоса". Как счастлива старость тех людей, в которых земной человек до такой степени мертв, что он не доставляет духу никаких забот!

Я бы, конечно, не стал утверждать, что человеку в этой жизни доступно полное согласие во всем. Возможно, в этом и нет пользы. Ведь и у Павла было мучение плоти – ангел сатаны, который колотил его; а когда он в третий раз просил Господа, чтобы Тот увел его, Он ответил только: "Павел, довольно для тебя Моей благодати, ибо сила проявляется в немощи". Действительно, новый вид исцеления! Для того чтобы Павел не возгордился, его искушают гордыней; для того чтобы он стал крепок во Христе, его вынуждают быть немощным. Ведь он носил сокровище небесного откровения в глиняном сосуде для того, чтобы величие было в силе Божьей, а не в нем самом. Этот один пример апостола равно напоминает нам о многом. Во-первых, о том, что, когда нас преследуют пороки, следует постоянно молить о Божьей помощи. Затем для совершенных людей искушения иногда не только не опасны, но даже необходимы для сохранения добродетели. Наконец, после победы над всеми остальными пороками, если среди них затаится только всего лишь один порок тщеславия, то его, вроде той Геракловой гидры – живущего чудовища, сильного своими ранами, при всех условиях едва можно одолеть в самом конце. Однако упорный труд все побеждает. Пока же душа пылает от сильных потрясений, ты всяческим образом подавляй этого своего Протейя, сокрушай, грози ему, стягивай его крепкими оковами, когда он

Стал превращаться опять в различные дивные вещи:

В страшного зверя, в огонь и в быстротекущую реку.

До тех пор, покуда он не примет свой первоначальный вид, Но что Протей по сравнению со страстями и желаниями глупцов, которые то в звериной похоти, то в диком гневе, то в ядовитой зависти выказывают всевозможные чудеса пороков! Разве не подходит к ним прекрасно то, что сказал просвещенный поэт: